

Вступительная статья к «Путешествию в Икарию» Этьена Кабе
(М.-Л.: издательство АН СССР. МСМXLVIII)

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Вячеслав Петрович ВОЛГИН – подборка работ и материалов в сети
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg>

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦИИ В XVIII веке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ
http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
с ДРЕВНОСТИ до КОНЦА XVIII в.
http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

СЕН-СИМОН и СЕН-СИМОНИЗМ
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
ВО ФРАНЦИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ
<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX века
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

Абгар Рубенович ИОАННИСЯН
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН XVI—XVII веков
<http://enlightment2005.narod.ru/arc/utopia1.pdf>

В. П. ВОЛГИН

ЭТЬЕН КАБЕ

Рост классовых противоречий в 30—40-х годах XIX века и связанный с ним рост классового самосознания французского пролетариата вызвали во Франции повышенный интерес к коммунистическим идеям. Коммунистические организации этого времени в идейном отношении находились под значительным влиянием бабувистских традиций. Книга Буонарроти «Заговор равных» была, несомненно, для многих деятелей коммунизма основным руководством в их революционной работе. Но наряду с этим мы видим ряд попыток построения новых коммунистических теорий. Используя очень широко наследие коммунистической мысли XVIII века, эти теории в известной мере отражают также влияние сен-симонизма и фурьеризма. Французские коммунисты 40-х годов оказались не в состоянии дать борьбе за коммунизм научную базу, оказались не в состоянии разрешить поставленную жизнью проблему синтеза коммунизма и рабочего движения. Тем не

менее, они представляют для нас известный исторический интерес. Возникновение новых коммунистических систем является симптомом глубокого идейного брожения, предвещающего и подготовляющего появления научного коммунизма Маркса и Энгельса.

Наибольшей популярностью из коммунистических книг 40-х годов пользовалось, несомненно, «Путешествие в Икарню» Кабе.

Политическая жизнь Кабе началась еще при Реставрации. В начале 20-х годов он был уже членом организации карбонариев и, повидимому, примыкал к ее левому, республиканскому крылу. Социальные вопросы его тогда мало интересовали. Мы знаем, что книга Буонарроти не произвела на него особого впечатления. После Июльской революции Кабе примирился с орлеанистской монархией как с монархией «республиканской» и получил место генерального прокурора на о. Корсике. Будучи избран в палату депутатов в 1831 году, он вернулся в Париж и сблизился с кружком Буонарроти, д'Аржансона и Теста. Однако и в это время социальные идеи Кабе оставались весьма неопределенными. Не принадлежа формально ни к «Обществу друзей народа», ни к «Обществу прав человека», он был близок к ним по своим политическим и социальным построениям. Он сочувствовал положению рабочих, советовал им объединить свои силы, но предъявлять хозяевам только «разумные» требования. Он верил в возможность для рабочих договориться с предпри-

нимателями. Он проповедовал организацию рабочими производственных ассоциаций. В 1833 году Кабе начал издавать журнал «Республика». Не грабеж богатых, но обогащение бедных; не унижение господствующего класса, а подъем народа; не насилие, но убеждение — таковы были лозунги журнала. Политическая программа журнала была буржуазно-демократической. В 1834 году Кабе как редактор журнала был привлечен к суду и был вынужден эмигрировать в Англию, где ему пришлось прожить пять лет.

В эти годы изгнания Кабе пришел к коммунизму. Сам он изображал процесс своего перехода от политического радикализма к коммунизму как процесс чисто «логический». Занявшись изучением истории в целях составления ряда популярных исторических книг для народа, он был, по его словам, потрясен теми раздорами и революциями, которые всегда и везде нарушали спокойствие общества, потрясен зрелищем вечных несчастий человечества. Чтобы найти средство против этих зол, он начал искать их причину. Эти размышления привели его к убеждению, что «первоначальная и основная причина всех пороков и всех несчастий всех обществ с начала мира заключается в неравенстве... следовательно, лекарством против них является уничтожение неравенства и переустройство общества на базе равенства». Пытаясь набросать план такого общества, в котором равенство царило бы и в труде, и в

воспитании, и в потреблении, он будто бы был приведен ходом своих рассуждений к общему труду, к общему воспитанию — «словом, к коммунизму».*

Но надо было еще выяснить вопрос, возможно ли практическое осуществление коммунизма, ибо «обычно его считали утопией». Рассмотрев этот вопрос всесторонне, «я увидел, — говорит Кабе, — с удивлением, с радостью, с восторгом, что если бы нация этого захотела, она могла бы организовать общину (la communauté), сохраняя тем, кто счастлив сегодня, все их счастье, даже увеличивая их счастье, и обеспечивая то же благополучие всем тем, кто в настоящее время угнетен нуждою. Я увидел затем с возрастающим удовольствием, что преобразование старого общества в новую общину возможно без потрясения, без ограбления богатых (sans depouiller les riches)... Я увидел, наконец..., что вследствие неизмеримого прогресса в индустрии и в машинах община сейчас более осуществима, чем в какую-либо предыдущую эпоху».** Так Кабе пришел к выводу, что мнение, будто коммунизм — химера и утопия, является предубеждением, которое рассеивается в результате изучения.***

Кабе утверждает, что, лишь убедившись в истинности коммунизма путем длительного

исследования, он приступил к изучению Мора, Оуэна и других социалистических мыслителей. Это, конечно, вполне возможно. Но, для того, чтобы знать основные положения коммунизма, Кабе вовсе не было надобности изучать Мора или Оуэна. Он, несомненно, знал их уже давно из книги Буонарроти, да и во время его встреч с Буонарроти, д'Аржансоном, Тестом беседа не могла не касаться коммунизма. И если Кабе требовались годы, чтобы «рационально» освоить эти положения, то это произошло потому, что путь к коммунизму преграждали для него впитанные им предрассудки мелкобуржуазных революционных группировок, — предрассудки, от которых ему не удалось полностью отрешиться даже тогда, когда он стал коммунистом.

В Лондоне Кабе написал «Популярную историю революции». В первых частях он выступает еще как буржуазный демократ; лишь начиная с IV части сказываются его новые коммунистические взгляды. Кабе считает, что Робеспьер очень близок к коммунизму, и осуждает его за то, что в соответствующий момент он не проявил должной решимости. Однако к Бабефу Кабе относится отрицательно. Он высказывается решительно против насилия и диктатуры. Враждебное отношение к бабувизму с его революционными методами характерно не только для «Популярной истории революции», но и для всей последующей деятельности

* E. Cabet. Comment je suis communiste, p. 2.

** Там же, стр. 4.

*** E. Cabet. Mon credo communiste, p. 12.

Кабе. «Я не являюсь ни эбертистом, ни бабувистом», — повторяет он не раз в своих более поздних памфлетах.*

По возвращении во Францию Кабе выпустил в 1840 году свое самое крупное произведение «Путешествие в Икарию» («Voyage en Icarie»), а в 1841 году возобновил издание журнала «Populaire». Новый «Populaire», по мысли Кабе, должен был стать органом объединения всех коммунистов, органом совместного обсуждения проблем коммунизма. Кабе привлек к участию в нем Дезами, Лаотьера и других. Но такое объединение не могло быть длительным. Уже очень скоро «Populaire» стал специфически кабетистским журналом, проповедующим мирный коммунизм Кабе и ожесточенно полемизирующим с коммунизмом революционным. Первая половина 40-х годов была для Кабе временем самой интенсивной литературно-пропагандистской работы, временем наибольшей его популярности.

Число подписчиков «Populaire» росло, дойдя к 1846 г. почти до 4000. Группы сторонников Кабе организовались во многих промышленных городах Франции; они состояли по преимуществу из представителей ремесленного пролетариата и полупролетариата. Несмотря на подчеркнuto мирный характер движения, правительство Луи Филиппа сочло опасными для существующего порядка успехи

* Например, Comment je suis communiste, p. 7.

мирной пропаганды икарийского коммунизма. 1846 и особенно 1847 год — год кризиса, приближающего крушение Июльской монархии, — отмечены преследованием икарийских ячеек и корреспондентов «Populaire». В этой обстановке гонений Кабе выдвинул в 1847 году идею организации коммунистической общины в Америке, хотя печальные итоги соответственных опытов Оуэна были ему хорошо известны. Эта идея вызвала в среде французских коммунистов большую оппозицию. Журнал «La Fraternité» Лаотьера характеризовал проект Кабе как жест отчаяния и указывал на вред эмиграции для дела борьбы за коммунизм. Тем не менее, Кабе удалось увлечь своей идеей небольшую группу рабочих. Американский эксперимент Кабе закончился, как и следовало ожидать, полным крахом. Революция 1848 г. и неудача американских коммун нанесли смертельный удар «икарийскому» коммунизму.

Социальная философия Кабе не отражает ни уроков Французской революции, ни достижений социалистической мысли начала XIX века. Она примыкает явным образом к до-революционной коммунистической традиции. Как теоретик Кабе ближе к Морелли или Мабли, чем к Сен-Симону или Фурье. Если бы Кабе не упоминал в своих произведениях о паровых машинах и росте крупной капиталистической индустрии, его систему можно было бы отнести к XVIII веку. — !?

Мир, учит Кабе, не есть результат

случайности. Первопричиной всего существующего является природа. Но природе Кабе присваивает все атрибуты божества. «Я верю, — заявляет он, — что природа бесконечно разумна, бесконечно предусмотрительна, бесконечно могущественна, бесконечно мудра, бесконечно справедлива и благодетельна».* Эта тождественная божеству природа желает счастья человека на земле. Между тем, человеческая история — цепь несчастий. Причина их — не в природе, а в невежестве людей, в их заблуждениях, в выдуманных ими дурных учреждениях, в дурной социальной и политической организации. Природа — общая мать: все люди — братья, равные в правах и обязанностях, равные в своих нуждах и в своем стремлении к счастью. Природа не делала людей на расы, касты и классы. Она создала все для всех. Нет раздела от природы, все дано ею человечеству сообща (en commun). Природа предназначила землю для общего и неделимого владения. Она дала каждому равное право на землю и на все ее продукты. Общность благ — естественна. Различие людей по их физическим качествам несколько не противоречит их равенству в правах, обязанностях, счастье. Неравенство — нарушение естественного закона.

Человек предназначен природой к тому, чтобы жить в обществе. Братство, любовь, доброта — инстинкты человека. С таким пред-

ставлением об общественной природе человека мыслители XVIII века обычно связывают идею коммунистического естественного состояния. Не совсем чужда эта идея и Кабе. Однако первобытное общество не может, по его мнению, служить идеалом. В первобытном обществе было возможно угнетение слабых сильными. Но природа дала слабым инстинкт сопротивления и разум, который приводит их к объединению в целях самозащиты, к организации общества, которое должно гарантировать естественное равенство, устанавливая равенство социальное.*

В своем детстве человечество невежественно и неопытно. Это и делает возможным ошибки, ведущие к неравенству, к нарушению естественного закона. Право грубой силы, рабство, касты, классы, неравенство прав — порождение времен варварства и невежества. В невежестве, говорит Кабе, основная причина того, что равенство не было нигде реализовано. Непосредственную причину возникновения класса господ, собственников и аристократов Кабе склонен видеть в завоевании.** Бессмысленно, по его мнению, искать указаний в мудрости, невинности и опыте древних наций: чем ближе к началу человеческого рода, тем менее он просвещен и опытен. Плохая социальная организация, основанная на неравенстве, портит природу

* E. Cabet. Douze lettres d'un communiste, p. 21.
** E. Cabet. Voyage en Icarie, 1842, pp. 305—306

человека. Злые люди — жертвы социальной организации: их пороки — пороки общества.* Неравенство ведет к изобилию и господству для одних, к нищете и угнетению для других. В обществе вместо гармонии воцаряется борьба. Оно распадается на два класса: Один не работает и все имеет, другой все производит и не имеет даже необходимого. Отсюда вырастают все или почти все присущие людям в настоящее время недостатки. Но человеку свойственна также способность совершенствоваться (*la perfectibilité*). Его знания растут. Разум, просвещенный опытом, неизбежно восторжествует над заблуждениями. Разум и опыт движут гражданское общество по пути прогресса.

Единственное средство исцелить человечество — уничтожение аристократии, или социального неравенства, и установление демократии, или равенства. Человек по природе своей предназначен жить в обществе. Гражданское общество есть продолжение и развитие общества естественного. Дурные учреждения нарушают естественные принципы общественного порядка. Общество должно быть от них «очищено», построено заново в согласии с вечным кодексом природы (*code éternel de la Nature*).

Отметим, что Кабе говорит о гражданском обществе вообще, не различая специфики различных форм эксплуатации и соответ-

ствующих им различных форм гражданского общества. Для Кабе существуют лишь две общественные системы: система аристократии и система демократии. Между аристократией, или меньшинством, желающим для себя привилегий, и демократией, или большинством, желающим равенства для всех, идет везде и всегда непрерывная война.* Христианство и Французская революция стремились осуществить демократию.** Революция провозгласила права человека, но они остались пустыми словами. Всякий раз, когда короли, духовенство, аристократия или буржуазия хотели чего-либо добиться в своих интересах, они призывали на помощь народ и давали ему обещания, чтобы получить его поддержку. И всегда после победы, добытой доблестью, страданиями и кровью народа, его интересы предавались и для него лишь менялись хозяева. Так было в 1789 и 1792 годах, после победы термидорьянцев, во время Директории, Консульства, Империи. Народ помнит, что так же было в 1830 году. Суверенитет народа — насмешка; в обществе нет ни свободы, ни равенства, ни братства. Эгоизм и индивидуализм являются его основой и принципом.***

Собственность не есть естественное право. Это чисто человеческое изобретение, и ее

* E. Cabet. *Les masques arrachés*, p. 4.

* Douze lettres d'un communiste, p. 21.
** E. Cabet. *Ma ligne droite*, p. 33.
*** *Les masques arrachés*, p. 4.

установление — самая тяжелая ошибка человечества. Кабе, впрочем, готов был бы примириться с собственностью при условии равенства и неотчуждаемости владений. В том виде, в каком она существует, она является институтом, содействующим возникновению и росту неравенства — источника всех общественных зол. Пока она существует, будет существовать богатство и бедность.

Задача состоит в том, чтобы уничтожить богатство и бедность, чтобы обеспечить всеобщее довольство. Эта задача не может быть разрешена путем простой замены монархического порядка республиканским: монархия не является единственной причиной всех зол, и для их устранения недостаточно установить республику. Для этого необходимо реализовать в обществе естественную общность — общность лиц, общность благ, общность производства (la communauté des personnes, des biens, de l'industrie). Только коммунизм может обеспечить равенство. Коммунизм, говорит Кабе, есть ассоциация, нестроенная на базе равенства, братства и единства (association égalitaire, fraternelle, unitaire). Коммунизм есть цель, к которой движется человечество; все другие улучшения неизбежно ведут к нему. При коммунизме индивидуальный интерес растворяется в общественном, эгоизм вытесняется братством. К провозвестникам коммунизма Кабе относит почти всех выдающихся мыслителей прошлых веков.

Он считает коммунизм реализацией моральных требований христианства, проповедь Христа заключает в себе, по его мнению, принципы коммунизма. Коммунизм предупреждает возникновение неравенства, он исключает злоупотребления, ведущие к ущербу для общества. Общность представляет единственную систему социальной организации, которая могла бы осуществить равенство и братство, предупредить жадность и честолюбие, прекратить конкуренцию и антагонизм, уничтожить зависть и ненависть, сделать почти невозможными пороки и преступления, обеспечить согласие и мир, наконец, счастье возрожденному человечеству.*

Существующая система индустрии, говорит Кабе, отличается бесчисленными пороками и ведет к самым пагубным последствиям. В ней царят беспорядок, путаница, хаос, случай, за которыми следуют конкуренция, соперничество, жадность, все эгоистические и враждебные братству страсти. Сколько бесполезных производств, сколько потерь для общества! Сколько нищеты, сколько страданий для работников!

Рабочие составляют основную массу населения. Они рождаются в нищете, в то время как другие дети, рождающиеся в богатстве, обладают каждый излишком, достаточным для тысячи несчастных, нуждающихся в необходимом. Сын рабочего не получает ни воспи-

* Voyage en Icarie, p III

тания, ни образования. Может быть, из него вырос бы гений. Но общество осуждает его остаться невежественным, отказывает ему в развитии его разума. А потом то же общество попрекает его невежеством. Едва лишь сын рабочего подрастет и немного окрепнет, на него возлагают работу, не считаясь с его расположениями и вкусами; преждевременный и непосильный труд его истощает. В течение всей его жизни, в старости, как и в детстве, его используют как машину, осуждая на чрезмерный, отталкивающий, истощающий и опасный труд. Скольким случайностям он подвержен! Сколько есть производств, на которых рабочий теряет зрение, слух, легкие в тридцать или сорок лет!

Хозяин обогащается на труде рабочего. Он эксплуатирует рабочего, как он эксплуатирует поле или лошадь. Но он дает рабочему возможно меньше. Заработная плата обычно так мала, что ее едва хватает для поддержания жизни рабочего. Родившись нищим, он и умирает нищим, после жизни, полной лишений и утомительного труда. А когда он заболит, когда производство останавливается, когда у него нет работы, у него часто нет и хлеба. Счастливыцы земли не видят этого и не хотят видеть. Сколько мужества, самоотверженности, добродетели нужно рабочему, чтобы не притти в отчаяние; какие муки должен был он перенести, чтобы воскликнуть: «Жить в труде или умереть в бою!» Судьбу рабочих признал ужасной даже Гизо.

призывавший серьезно о ней подумать, так как она представляет большую опасность.

Когда-то, продолжает Кабе, во всей Римской империи, и, следовательно, почти во всей Европе, рабочие были рабами; они принадлежали хозяевам, которые смотрели на них как на рабочий скот, получали весь продукт их труда и кормили их, чтобы они могли работать. В настоящее время рабочие свободны; их более не называют рабами. Но те, кто их нанимает, попрежнему называются хозяевами, или патронами. И это правильно, так как, в действительности, масса рабочих попрежнему находится в рабстве у хозяев. Хозяева, или патроны, одни пользуются политическими правами, тогда как рабочие их не имеют; хозяева являются избирателями, депутатами, присяжными, составляют национальную гвардию, они создают законы посредством своих уполномоченных, и создают их в своих собственных интересах и против интересов рабочих, тогда как рабочие — ничто и вынуждены исполнять эти законы и подчиняться им. Хозяева вооружены как спартиаты или плантаторы, а рабочие безоружны как илоты или негры. Хозяева судят рабочих, а рабочие никогда не судят хозяев. Хозяева, поддерживаемые всей аристократией, могут объединяться и заключать коалиции, чтобы защищать свои интересы против интересов рабочих, а рабочие не могут договариваться и объединяться, чтобы защищаться от хозяев. И их еще заставляют отдавать жизнь для

защиты общества, которое их грабит и угнетает. Разве это не настоящее рабство?

Это современное рабство в общем хуже, чем рабство римских рабочих, заявляет Кабе вслед за Ленге и, вероятно, не без влияния этого публициста XVIII века, — у римского хозяина было основание беречь своего раба и заботиться о нем как о своей собственности, о своей лошади или о своем поле. Хозяин нашего времени, продолжает Кабе, заинтересован, наоборот, лишь в том, чтобы, истощая своего рабочего, извлечь из него возможно больше. Если слабость, утомление, болезнь, какая-либо случайность мешали рабу работать, лишали хозяина возможности продать его по хорошей цене, — это был убыток для хозяина. Таким образом, эгоизм вынуждал его быть гуманным, чтобы извлечь из раба больше дохода. Самый жадный хозяин, если только он был разумен, заботился о питании раба, чтобы сохранить его силы и здоровье, и о здоровом помещении для работы. В настоящее время какое дело хозяину, что его рабочий плохо питается, утомлен, истощен, болен, ранен, убит? Он тотчас же находит другого, которого не надо даже покупать. Он тратит возможно меньше на мастерскую, на заработную плату, а с другой стороны, он истощает силы рабочего в труде, чтобы извлечь из него возможно больше дохода. Такова эксплуатация человека человеком.*

Рабочие находятся полностью в руках предпринимателей и эксплуататоров. Они вынуждены под страхом голодной смерти принимать все условия хозяев. Если бы рабочие могли объединиться во имя общих интересов, они могли бы добиться более справедливой заработной платы, менее продолжительного и менее тяжелого рабочего дня, они могли бы даже потребовать, для себя всех прав человека и гражданина: ведь они составляют самую многочисленную, самую необходимую для производства часть населения, они сильны и способны пренебрегать опасностями. Но хозяева и аристократы, желая удержать их в рабстве, не позволяют им организовать союзы и ассоциации; они применяют в отношении рабочих старый принцип: «разделяй и властвуй». Изолированные рабочие вынуждены всем пожертвовать во имя своих индивидуальных потребностей, вынуждены конкурировать друг с другом, причем в конце концов то, от чего отказывается один, принимает другой.

Чтобы облегчить себе господство над рабочими, хозяева и аристократы вынуждены держать их в невежестве, поощрять распространение среди них дурных обычаев и пороков.*

Отсюда зависть и ненависть рабочих по отношению к хозяевам. И в самом деле, как могли бы они любить хозяев, которые их

* Douze lettres d'un communiste, pp. 38—39.

* Douze lettres d'un communiste, pp. 36—38.

эксплоатируют, обогащаясь за их счет? Кабе, как мы видим, очень близок к признанию неизбежности классовой борьбы. Но такое признание означало бы крах всей его идеалистической общественной теории. Поэтому он спешит предупредить революционные выводы из написанной им картины бедственного положения пролетариата заявлением, что для хозяев эта организация общества столь же пагубна, как и для рабочих. У первых¹⁾ даже больше тревог и беспокойства. Царящие в обществе беспорядок и случайность невыносимы для всех. Жертвой их являются и пролетарии, и буржуазия. Жизнь фабриканта или купца представляет настоящий ад. И рабочие и хозяева одинаково заинтересованы в том, чтобы найти выход из этого кризиса, чтобы найти лекарство от терзающего общество зла. Их общий интерес состоит не в том, чтобы вести войну друг против друга, но в том, чтобы объединиться, заключить братский союз и ввести новую организацию труда, которая сделает всех счастливыми.* Исходя из этих положений, Кабе осуждает коалиции и стачки, которые могут принести рабочим, по его мнению, лишь преследования и страдания.**

* Douze lettres d'un communiste, pp. 39—40; 41—42.

** E. Cabet, Réfutation des doctrines de l'Atelier, pp. 12—13.

В чем же состоит искомое лекарство от общественных зол? Его не стоит искать ни в сберегательных кассах, ни в милостыне, ни в проповедях священника, ни в советах моралистов. Не является лекарством, по мнению Кабе, и повышение заработной платы. Кабе считает, что повышение заработной платы автоматически ведет к повышению цен. Если представить себе, что заработная плата всех рабочих повысится, неизбежно повысятся и цены на все товары. Рабочий будет платить за все дороже и потеряет на повышении цен все, что он выиграет на повышении заработной платы. К концу года он увидит себя таким же бедняком, каким был и раньше. А между тем, общее повышение заработной платы — настоящая революция, столь же трудная, как все другие революции.

Все говорят как о средстве спасения об организации труда. Но частные ассоциации не решают проблемы. Кабе не верит в возможность при существующем порядке широкого распространения ассоциаций, создаваемых самими рабочими. Если даже все рабочие каждой индустрии образуют ассоциации, если все хозяева будут вынуждены войти в эти ассоциации, — все же эти бесчисленные ассоциации, оставаясь раздробленными, будут страдать от конкуренции и антагонизма. Лекарством может быть только всеобщая ассоциация, которая обеспечит счастье всех рабочих, а вместе с ними и хозяев.

А такая всеобщая ассоциация и есть коммунизм. *

Противники коммунизма утверждают, говорит Кабе, что порядок, при котором человек более способный, приносящий большую пользу, не имеет в обществе никаких преимуществ, — несправедливый, нетерпимый порядок. Если умственное превосходство дано природой, возражает Кабе, то это случайность, а случайность не может служить основанием для права. Но обычно гений развивается под воздействием окружающего общества, от общества человек получает также средства, дающие ему возможность проявить свой гений. Общество вправе потребовать, чтобы гражданин отдал ему свой талант: это только оплата долга. И как может человек жаловаться, что с ним обращаются так же, как с его братьями?

Не менее распространено возражение, будто бы коммунизм убивает соревнование: никто не будет стараться, если он не получит за это ничего для себя и своих детей. Но из соревнования в той форме, какую оно имеет сейчас, заявляет Кабе, из соревнования, дающего возможность обогащения, возникают все беды современного общества. Ничто не может компенсировать это зло. При коммунизме соревнование тоже будет иметь место. Но стимулом этого соревнования будет не обогащение, а моральное удовлетворение, по-

чет, общественные отличия. Наконец, в коммунистическом обществе личный интерес будет полностью слит с интересом общим, каждый будет понимать, что работать для общества — значит работать для себя, что уменьшение общественного богатства значит уменьшение его доли.

Говорят, что в обществе всегда будут ленивые. Кабе убежден, что ленивых не может быть в обществе, где праздность рассматривается как кража, где рабочие культурны и всем интересуются, где применение машин делает труд легким и привлекательным. Человек по природе активен; условия коммунизма будут содействовать повышению его активности. Для члена коммунистического общества абсолютная праздность была бы мукой. Ленивый будет считаться человеком неполноценным, больным. Есть, однако, такие работы, продолжают критики коммунизма, которые неприятны для всех, которые всех отталкивают. Как быть с ними? Кабе уверен, что человеческий разум не может не найти решения этой задачи, не может отступить перед таким препятствием. Можно представить себе, что эти работы будут принудительно возложены обществом на тех, кто на основании экзаменов будет признан непригодным для другой работы. Можно привлекать к таким работам, воздавая особый почет тем, кто за них берется, рассматривая их как акт патриотизма. Можно назначать на эти работы по жребию. Можно установить такой

порядок, при котором все будут обязаны в течение короткого срока принимать участие в известной очереди, в их исполнении.*

Мы уже знаем, что Кабе отрицает возможность осуществления коммунизма при помощи насилия. «Я скорее реформист, чем революционер, — говорит он, — я прежде всего демократ».** Переход к коммунизму — величайший переворот из всех происходивших на земле, самая обширная реформа, самая глубокая революция, подлинное возрождение человечества. Для того чтобы его осуществить, надо победить столько предрассудков, столько привычек, столько страстей и интересов! Коммунизм, заявляет Кабе, может и должен быть введен единогласным решением народа или решением крупного большинства.

Для достижения такого легального преобразования нужна, конечно, пропаганда. Общественному преобразованию должно предшествовать преобразование духовное. Одним из способов пропаганды коммунизма является пример — организация общин на коммунистических началах. Кабе полагает, как и фурьеристы, что правительство, которое действительно заботилось бы об интересах народа, должно было бы предоставить землю и средства для производства таких опытов. Опыт показал бы, какой из предлагаемых

проектов пригоден. Такая политика предупредила бы революцию. Но существующие правительства не склонны к подобным экспериментам. Очевидно, для организации показательной общины приходится рассчитывать на инициативу самих заинтересованных масс. Кабе считает, что он идет навстречу этой инициативе, составляя проекты создания таких общин.*

Успех пропаганды коммунизма обеспечен тем, что его содержание — истина. Как и большинство утопистов, Кабе глубоко уверен, что коммунизм может быть установлен только силой общественного мнения, силой убеждения. Одна партия, решительное меньшинство, если бы даже оно составляло правительство, напрасно старалось бы навязать большинству коммунизм: это было бы несправедливостью, тиранией, безумием. Переворот, отменяющий собственность вопреки воле мелких и крупных собственников и заставляющий богатых работать, встретил бы такое сопротивление, какого не встречали никогда никакие социальные и политические преобразования. Чтобы погубить это начинание, достаточно было бы одной силы инерции. Что возможно, разумно, полезно, — это проповедывать, распространять доктрину, обсуждать, доказывать, убеждать. «Когда общественное мнение примет коммунизм, его легче будет установить; что касается меня, то

* Douze lettres d'un communiste, pp. 136—140.

** Comment je suis communiste, p. 7; Ma ligne droite, p. 12.

* См., например, Petite communauté de dévoués.

я не сомневаюсь, что общественное мнение в конце концов его примет, так как, с моей точки зрения, это единственная истинная доктрина, так как ее истинность может быть доказана с полной очевидностью, так как разум в конечном счете всегда побеждает (la raison finira toujours par avoir raison).*

Угрозы и насилия не могут приблизить торжество истины и поэтому бессмысленны. Наоборот, утверждает Кабе, следует постараться по возможности примирить собственников с коммунизмом. Для этого Кабе рекомендует заявить, что живущее поколение не будет лишено собственности, что коммунизм будет обязательным лишь для поколений грядущих, которые будут к нему подготовлены воспитанием. Богатые — наши братья, наивно заявляет Кабе, не следует их ненавидеть, не надо их угнетать. Их пороки, как и пороки бедных, — результат плохого воспитания и плохой социальной организации. Кабе верит в то, что богатые также обратятся в конце концов к истине коммунизма. Ибо, по его мнению, коммунизм больше, чем какой-либо другой строй, способен обеспечить счастье не только бедных, но и богатых.**

Среди социальных мыслителей первой половины XIX века было немало наивных утопистов. Но рационалистический утопизм Кабе

резко выделяется даже на этом фоне. Трудно понять, как мог писатель 40-х годов до такой степени игнорировать рост классовых противоречий и обострение классовой борьбы в окружающем его обществе. Кабе не может не видеть роста капиталистической индустрии. Кабе понимает ее революционизирующее значение, «Машины, — говорит он, — гром, свист и шум которых ухо улавливает уже издали, заключают в недрах своих раскаленных внутренностей бесконечное количество всякого рода маленьких революций, из которых вырастает великая всеобщая революция. Пар созидает мир будущего, отделяет наше настоящее от прошлого. Он уже царит в Великобритании и Северной Америке, творя чудеса, и никто не в состоянии воспрепятствовать его проникновению во Францию и другие страны».

Кабе понимает, что великие открытия в науке и промышленности производят не только научные и промышленные революции, но также революции социальные и политические, ибо в природе все связано. Кабе видит, что крупная индустрия создает материальную базу для коммунизма. Чем больше развита индустрия, тем легче осуществить коммунизм, говорит он. «Рост промышленности делает возможным коммунизм теперь более, чем когда-либо... Современное безграничное развитие производительных сил при посредстве паровых машин может обеспечить равенство и изобилие». Кабе понимает, что рабочая

* Comment je suis communiste, p. 6; Mon credo communiste, p. 12.

** Ma ligne droite, p. 19.

среда — сре... наиболее восприимчивая к иде-
ям коммунистическим, что наиболее активные и со-
знательные рабочие являются коммунистами.
К рабочим обращается он в пе... очер
се... и пропагандой, призывая «обездолен-
ных и рабов» решительно, смело и упорно
добиваться своего освобождения, реализации
своих прав и счастья своего потомства. «Все
рабочие, — говорит он. — должны быть ком-
мунистами». И, тем не менее, мелкобуржу-
азная мечта о всеобщем примирении, о мир-
ном строительстве нового общественного по-
рядка заставляет его закрывать глаза на
классовую структуру общества, на классовый
характер грядущей революции. Между тем,
значение классовых интересов для дела ком-
мунизма учитывали в известной мере да-
же те, которые мыслители дореволюционного
времени.

Несомненно отрицательно к идее насильствен-
ного социального переворота, Кабе предви-
дит в ближайшем будущем возможность ре-
волюции политической. Он считает, что со-
бытия подготавливают эту революцию. Однако
ее классовое содержание, ее реальные дви-
жущие силы, как и следует ожидать, ему со-
вершенно неясны. Кабе боится, что прежде-
временная революция может привести к ги-
бели всех демократических группировок.
Именно к этому стремятся правящие партии.
Они хотят как можно скорее спровоцировать

частично к восстанию, чтобы раздавить его и
воспользоваться им для объявления осадно-
го положения и разгрома сил демократии.

В конце 30-х годов Кабе призывал к осто-
рожности, к спокойствию, к терпению: ника-
ких мятежей, никаких насилий, никаких иску-
шений! «Выждем нападения. — говорил он,
и тогда будем защищаться». Поспешность мо-
жет все погубить. Пока же Кабе рекомендо-
вал возложить надежды на палату депута-
тов, предоставить ей дело защиты интересов
нации* Именно в этой обстановке, будучи
верным своему слову, что революция не
принесет пользы народу, написал он свою
знаменитую фразу: «Если бы я держал рево-
люцию в руке, я держал бы ее закрытой,
хотя бы мне пришлось умереть в изгнании».

В начале 40-х годов отношение Кабе к ре-
волюции, под влиянием реакционной полити-
ки правительства, несколько изменилось. Он,
попрежнему нападению предпочитает оборо-
ну, насилию — мирные пути банкетов, пети-
ций и адресов: он не полностью потерял на-
дежду на то, что палата депут... остановит
рост реакции и что власть отступит перед во-
лей суверенного народа. Мирный прогресс
вновь станет возможным. Он убежден, что
революция не сможет в... т при-
вести к коммунизму, он сомневается даже в
том, что она приведет к торжеству демократии.

* E. Cabet. Vous serez responsable envers la
patrie pp. 3-4.

тии. И все же он готов принять вызов и вступить в борьбу, если эта борьба необходима, чтобы задержать реакцию. «Итак, — резюмирует Кабе свое рассуждение, — без реакционных мер правительства против свободы (sans les bastilles, по его образному выражению) я не был бы революционером; но реакция представляется мне величайшим злом, худшим, чем смерть, и я последую за нацией всюду, куда бы она ни пошла... Я предпочитаю реформу, не отвергая революции, когда ее признает необходимой общественное мнение». * Однако и в это время Кабе ждет инициативы революции от масс, от народной стихии; он против ее подготовки революционерами, в частности, против революционных тайных обществ, организацию которых он решительно осуждает. Революционное настроение, говорит Кабе, и без того достаточно сильно; незачем его искусственно возбуждать.

Против революции высказывается Кабе и в 1847 году, меньше чем за год до февральских дней 1848 года. Противопоставляя революционным попыткам организацию коммун, он утверждает, что революция не соответствует интересам народа. Однако доводы Кабе в этот период не имеют принципиального характера, они направлены не против революции вообще, но против революции в данной об-

* Voyage en Icarie, pp. II, 586; Ma ligne droite, p. 15; Les masques arrachés, p. 27.

становке. Революция, по его мнению, не желательна потому, что власть к ней подготавлилась и обладает большими силами; потому что даже в случае успеха революции она пойдет на пользу не народу, а буржуазии; потому что народ недостаточно просвещен, чтобы помешать честолюбцам захватить плоды победы; потому что после переворота, который неизбежно разрушит индустрию и торговлю, участь несчастных пролетариев станет, быть может, еще более нестерпимой. *

Тайным обществам, как наиболее распространенной в 40-х годах форме организации революционных групп рабочего класса, Кабе уделяет особое внимание. При этом он имеет в виду конспиративные и революционные общества, объединяемые политическими целями, определенными правилами приема, периодическими собраниями, присягой. Такие общества могут еще существовать, по его мнению, в среде аристократии, духовенства, буржуазии, студенчества: их не так много, у них есть опыт и богатство, у них есть салоны, обеды, концерты, охоты — всевозможные поводы для встреч и сговора. Для народа конспирация — дело невозможное, встречающее множество затруднений и препятствий. Старый герцог Орлеанский с его состоянием, с такими помощниками, как Мирабо, Ламе-

* Réalisation d'Icarie, 1 livraison, 1847; см. P. Angrand, Etienne Cabet et la république de 1848, Paris, 1948.

ты, Сиейсы, Бонапарт, с генералами и членами правительства, — они могли успеть в своих конспиративных начинаниях. Рабочим это не удастся.

1) Суровые правила конспирации, устрашные клятвы, которые приносят члены общества при вступлении, — все это не мешает раскрытию общества полицией. Бытовые условия жизни рабочих зачастую не дают возможности соблюдать тайну, даже если среди них не найдется сознательного предателя. Наряду с честными людьми, доведенными до отчаяния нищетой и деспотизмом, вдохновленными чувством братства, в тайные общества легко проникают агенты — провокаторы. Полиция получает возможность не только знать все, что делается в обществе, но и руководить им в своих целях. Когда общество раскрыто, это дает основание для преследований, вызывает множество жертв. А сколько вреда приносят раздоры между обществами, зачастую тоже направляемые полицией! В конечном счете, все это столь же вредно делу народа, сколь полезно деспотизму, который пользуется тайными революционными обществами для того, чтобы оправдать гонение против всех обществ и ассоциаций.*

Демократия — предварительное условие для осуществления коммунизма; она расчищает дорогу для равенства. Во имя ее торжества, говорит Кабе, коммунисты должны не

только тесно сплотиться, невзирая на различные оттенки мнений, они должны пойти на жертвы, чтобы добиться единения всех демократических группировок. Крайняя раздробленность демократов составляет их слабость и силу правительства. Кабе призывает поэтому не отталкивать от демократического движения буржуазию. «Если буржуазия не может ничего сделать без опоры в народе, то и народ не может ничего сделать без помощи буржуазии». Нас ждут, говорит Кабе, тяжелые дни; бури бушуют над нашими головами; никто не может предугадать судьбу, которая его ожидает; под угрозой находятся отечество, свобода, жизнь; и для демократов всех оттенков союз больше чем когда-либо составляет необходимость.* Тот, кто сеет раздоры между пролетариатом и буржуазией, есть худший враг народа. Исходя из этих соображений, Кабе отказался от участия в первом самостоятельном коммунистическом банкете в Бельвиле в 1840 году, боясь, что такой банкет оттолкнет буржуазию.**

В доказательство необходимости для успеха революции участия в ней буржуазии Кабе ссылается на опыт предшествовавших революций. Никогда и нигде, говорит он, пролетарии ничего не добивались без помощи некоторой части буржуазии, которая брательась

* Comment je suis communiste, p. 8; Mon credo communiste, p. 13.

** E. Cabet. Toute la vérité au peuple, p. 21.

* Les masques arrachés, pp. 23—36.

с народом. Пролетарии одни не сделали бы, не могли сделать ни революции 1789 года, ни революции 1792 года, ни революции 1830 года. Буржуазия была душой, головой этих революций, а пролетарии — только руками. В прериале и флореале рабочие были раздавлены, потому что они выступили без буржуазии и прогив нее. Кабе совершенно не учитывает в своих рассуждениях ни различия в классовой структуре общества в конце XVIII века и в 40-х годах XIX века, ни различия в социальном характере буржуазной революции, которая, по его же словам, только провозгласила права человека, но не сумела их осуществить, — и грядущей революции, которая должна, в конечном счете, привести к торжеству коммунизма. Он забывает и о том, как мало дали пролетариату все революции прошлого, и об отмечаемом им в другой связи предательстве буржуазии, всегда использующей победы народа в своих интересах. Развивая дальше свою аргументацию, Кабе подменяет вопрос об участии в революции буржуазии как класса вопросом об участии в ней представителей культурных слоев населения вообще. Наиболее преданные народу вожди, заявляет он, — Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст, Кутон, Бийо-Варенн, Бабеф, Буонарроти — были буржуа. Буржуа руководят народом через посредство журналов; даже пропагандистами коммунизма являются буржуа. Совершенно ясно, что мы имеем здесь явное смешение понятий. Дово-

ды Кабе говорят не о необходимости для пролетариата союза с буржуазией, а о важности для него иметь в своей среде интеллигентных руководителей.*

Защитником единения всех прогрессивных сил выступал Кабе и в первые недели революции 1848 года. Исходя из необходимости единения, он призывал своих сторонников поддерживать временное правительство, «которое объявляет себя республиканским и демократическим, которое провозглашает национальный суверенитет и единство нации». Дальнейшее развитие событий заставило его, однако, вскоре признать, что и на этот раз, как и в предыдущих революциях, «богатые» с успехом отнимают у пролетариев плоды их революционных побед.

Лозунгом единого демократического фронта должна быть, по мнению Кабе, прежде всего избирательная реформа, всеобщее избирательное право, как необходимое предварительное условие осуществления мирным путем всех других реформ — и политических, и социальных. Однако диктатуру как форму временного правительства Кабе не считает противоречащей народному суверенитету, если она установлена волею народа или одобрена народом: после всех революций, напоминает он, народ или победившая партия обычно признавали необходимость диктатуры.** Но

* Toute la vérité au peuple, p. 21.

** Réfutation de la brochure de M. Thoré, p. 9. Réfutation de quatre articles, p. 2.

политические реформы являются для Кабе не самоцелью, а лишь средством, орудием для достижения главной цели — реформы социальной. По его мнению, «реализовать и организовать демократию» невозможно, не приняв коммунизма. «Для меня, — говорит Кабе, — демократия и коммунизм синонимы». Характеризуя свою позицию среди политических и социальных группировок его времени, Кабе говорит:

«Я прежде всего француз, находящийся в братском союзе со всеми французами против иностранцев (если иностранцы нападают на Францию; если же они не нападают, я хочу, чтобы Франция проявляла к ним справедливое и братское отношение); далее я демократ, находящийся в братском союзе со всей демократией против аристократии; затем я реформист, находящийся в братском союзе со всеми реформистами и дающий им руку для совместного завоевания политической реформы; затем я социалист, находящийся в братском союзе со всеми социалистами и дающий им руку для совместного завоевания социальных реформ, относительно которых мы согласны; наконец, я коммунист, твердо решивший отдать все свои силы, как и прежде, делу обсуждения и пропаганды коммунизма, чтобы убедить в его справедливости и привести к его утверждению».*

* Ma ligne droite, p. 39.

Так соединяет Кабе свои новые, коммунистические взгляды со своими старыми буржуазно-демократическими стремлениями.

Между установлением демократии и полным утверждением коммунизма должен пройти, по мнению Кабе, известный переходный период (régime transitoire). Коммунизм будет провозглашен, но, как мы уже говорили, «для будущих поколений». Он будет являться как бы путеводной звездой, по которой будут ориентироваться законодатели. Богатые останутся пока богатыми; они не будут вынуждены работать. Но постепенно неравенство будет ослабевать, а равенство крепнуть. Право собственности не будет отменено, но размеры национального имущества будут расти в результате мероприятий, имеющих целью подготовку коммунизма. В качестве таких мероприятий Кабе намечает отмену наследования по боковой линии, отмену права завещания, запрещение дарений недвижимого имущества, экспроприацию государством частных имуществ, но со справедливым вознаграждением, прогрессивный налог, отмену налогов, падающих на бедных. Правительство будет содействовать организации рабочих ассоциаций и опытных коммун, используя для этого национальные имущества, регулировать заработную плату и длину рабочего дня. Специальное министерство или комиссия общественных работ составит план наиболее необходимых работ, чтобы обеспечить труд всем, кто в нем нуждается.

Правительство позаботится также об организации больших национальных мастерских, рабочие которых будут уже оплачиваться в натуре. Особая комиссия будет заниматься вопросом о жилищных условиях бедных, выделяя для этой цели некоторые общественные здания, добровольно уступленные помещения частных лиц или строя новые дома. Рядом с остающимися частными собственниками будет расти число лиц, живущих в условиях коммунизма, так как непрерывно увеличивающийся национальный домен будет использован для организации на коммунистических началах новых общин, городов, деревень, ферм и мастерских.* Общее обязательное и бесплатное образование будет вести детей к грядущему коммунистическому порядку.

Этот процесс перехода к коммунизму требует, по мнению Кабе, от двадцати до пятидесяти лет. Но уже переходный режим значительно улучшит положение народа, даст ему относительное благополучие. Переходный период мог бы значительно сократиться, если бы богатые и собственники, поняв свои истинные интересы, согласились отдать в общее владение свою собственность. Но Кабе не считает возможным на это надеяться; на какой-то срок в обществе останется меньшинство, образующее оппозицию. Быть может, наиболее горячая часть демократии бу-

* Douze lettres d'un communiste, pp. 147—148.

дет недовольна медленностью преобразования; но, принимая все в соображение, этим путем, не раздражая оппозиции, мы скорее придем к цели.*

Основные принципы коммунистического общества Кабе излагал в своих памфлетах неоднократно. Изображение общества, в котором полностью утвердился коммунистический строй, дано им в его романе «Путешествие в Икарию». Кабе утверждает, что избрать форму романа побудило его стремление сделать изложение идей коммунизма более популярным, доступным для всех классов общества. Во всяком случае, очень характерно, что Кабе, воскрешая рационалистическую социальную философию XVIII века, воскрешает и столь распространенную в XVIII веке форму утопического романа. Англичанин, попавший в фантастическую страну Икарию, рассказывает в этом романе о тех необычайных порядках, какие он там нашел, о том, как эти порядки возникли, о нравах людей, живущих в Икарии. В рассказ вплетена история любви англичанина к икарийской девушке, его любовных страданий и их благополучного завершения.

Коммунизм был введен в Икарии после революции, поставившей у власти в качестве диктатора мудрого законодателя Икара, прямого потомка мудрых законодателей в утопиях XVI—XVIII веков — Утопа,

* Douze lettres d'un communiste, pp. 145—146.

Севариса и др. Но конституция страны — как политическая, так и социальная — была принята всеобщим голосованием. Кабе всегда остается верен принципу народного суверенитета, находящего свое выражение в конституции и в законах, утвержденных народом. Закон, принятый всеми, служит, по его мнению, интересам всех; там, где граждане сами творят законы, между ними и законом существует гармония. * Реализации выработанного Икаром плана преобразования общества предшествовала борьба с королями соседних стран, пытавшимися уничтожить республику и восстановить монархию. Эти тираны, говорит Кабе, не могли потерпеть торжества демократической и республиканской революции, которая могла бы послужить примером для их собственных народов. Лишь после разгрома интервентов приступила республика к мирному строительству. Согласно проекту Икара, между установлением демократии и полным торжеством коммунизма должно было пройти пятьдесят лет. Но в действительности в результате энтузиазма, проявленного народом и захватившего даже богачей, срок этого переходного периода был сокращен до тридцати лет.

Икартия, конечно, республика. Республика, по мнению Кабе, так же соответствует разуму, как геометрическая теорема: нормальные люди не могут быть недовольны республикой,

как они не могут протестовать против теоремы. Нужно, впрочем, отметить, что в вопросе о форме правления Кабе не очень настойчив. Он готов примириться с монархией, если это монархия «представительная, демократическая, народная». «Общность, — говорит он, — так же совместима с конституционной монархией, как и с республиканским президентом». * Основными принципами республики являются свобода и равенство. Свобода, однако, в Икартии сопряжена с порядком и с дисциплиной, которой подчинены все действия и воли. «Свобода должна быть ограничена во всех случаях, когда этого требует интерес общества, констатированный суждением народа». Человек, вступая в политическое и гражданское общество, принимает заранее его законы и обязуется их исполнять. ** «Свобода есть право делать все, что не воспрещено Природой, Разумом и Обществом». Слепая страсть к свободе — порок, зло, рожденное ненавистью к деспотизму. Истинная свобода, говорит Кабе в другом месте, состоит в том, что в обществе не существует иных правил, кроме тех, которые сам гражданин признал необходимыми. Подчиняться собственному закону, значит быть свободным. Подчиняться закону, навязанному другим, значит быть рабом. Таким обра-

* Voyage en Icarie, pp. V, VI.

** Voyage en Icarie, pp. 404—405; Douze lettres d'un communiste, pp. 65—67.

зом, подчеркивает Кабе, закон нашего времени, созданный избранныками 200 000 избирателей, есть свобода для этой аристократии законодателей; она есть рабство для всего остального народа. Естественно, что аристократия довольна своей свободой и стремится ее увековечить. Но разве не естественно, что угнетенный народ стремится сбросить с себя это иго и вернуть себе свободу? *

В обществе, где царит неравенство, свободы нет у подавляющего большинства. Коммунизм предоставляет всем истинную свободу.

Равенство в Икарии не есть только равенство прав, это в то же время равенство в воспитании, в удовлетворении потребностей, в труде. Однако, оговаривает Кабе, это не абсолютное, математическое равенство, а равенство относительное, пропорциональное потребностям и средствам. Равенство служит гарантией свободы. При политическом и экономическом равенстве не может быть угнетенного и недовольного меньшинства. Отметим, однако, что в Икарии все же не знают полного равенства: женщины не пользуются там политическими правами; подчиненное положение занимают они и в семье, носящей патриархальный характер.

Законодательная власть принадлежит в Икарии Национальному представительному собранию и народным собраниям (assemblées populaires). Кабе сторонник руссоист-

ской идеи прямого народного законодательства. Вся страна разделена на 100 провинций с равной территорией и равным населением; в каждой провинции — 10 равных коммун. Народные собрания, в которые входят все граждане и которые происходят по коммуна три раза в месяц или раз в неделю, пользуются правом референдума и законодательной инициативы. Именно народные собрания, говорит Кабе, являются выразителями народного суверенитета. В них принимает участие весь народ. Так как труд отнимает только часть дня, так как при коммунизме никого не отвлекает беспокойство о своем собственном существовании, народные собрания посещаются всеми. Собрания созываются в один и тот же час. Таким образом, весь народ может одновременно обсуждать на различных собраниях один и тот же вопрос. Каждое собрание обсуждает и дела национальные и дела местные, по которым коммунальное собрание может самостоятельно издавать распоряжения. Гражданин имеет право предложить народному собранию ту или иную идею, поставить тот или иной вопрос. Если эта идея имеет общественный интерес, народное собрание передает ее Национальному представительству, а последнее ставит ее в повестку всех собраний, т. е. на обсуждение всего народа. Так складывается подлинное общественное мнение, подлинная общая воля. Закон разрабатывается Национальным представительством, но ставится, если он имеет большое значение,

* Douze lettres d'un communiste, pp. 67, 69.

на утверждение всего народа на народных собраниях. Национальное представительство избирается всеобщим голосованием. Оно образует одну палату, состоящую из 2000 депутатов. Срок полномочий каждого депутата — два года. Но представительство в целом Кабе называет перманентным, так как оно обновляется по частям: ежегодно наполовину. * Для большей основательности рассмотрения каждого вопроса и Национальное представительство и коммунальные собрания разделяются на комитеты по различным специальностям (например, сельского хозяйства, пищи, статистики и т. д.).

Так как народ — суверен, то все функции в обществе выполняются гражданами, избранными народом на срок, ответственными и подлежащими отзыву. Исполнительная власть никогда не доверяется одному лицу, она вручается корпусу, который называется исполнительной. В Икарии нет президента республики, а есть только президент исполнительного корпуса. Шестнадцать членов исполнительной выбираются, подобно Народному представительству, на два года, причем половина их обновляется ежегодно. Все функции представляют мандат, поручение народа, труд, так же как всякий труд является функцией. Все функции бесплатны, или, вернее, они вознаграждаются в натуре на основании об-

* Douze lettres d'un communiste, pp. 77—78; Voyage en Icarie, p. 37.

щих правил распределения. Так как все граждане возможно полно обеспечиваются всем необходимым, то нет никаких оснований, чтобы должностные лица (fonctionnaires-magistrats) получали больше, чем прочие трудящиеся (fonctionnaires-travailleurs). Вознаграждение должностных лиц — в общественном уважении, которое в коммунистическом обществе ценится выше, чем в обществе буржуазном золото и пустые почести. Исполнительная власть подчинена Народному представительству. Полномочия должностных лиц ограничены исполнением законов. Так как при коммунизме не будет места ни жадности, ни честолюбию, то не будет также заговоров, переворотов, революций. Правительство, которое в течение веков занималось тем, чтобы защищать свое положение, будет заботиться только об общем благе. Поэтому станут ненужными полиция и жандармы, делоправления станут очень простым и легким. Очень упростится и судебная процедура. В Икарии нет специальных трибуналов. За совершенные преступления судит та организация, к которой данное лицо принадлежит. Трибуналом, таким образом, может быть в отдельных случаях и школа, и семья, и мастерская, и народное собрание, и Национальное представительство.

В организации хозяйства Икарии все продумано до мелочей, все рационально. 16

* Douze lettres d'un communiste, pp. 76, 78—79.

В хозяйственном отношении страна представляет одно целое, как бы одно колоссальное предприятие. Все национальное богатство и вся мощь нации составляют его капитал, весь народ — кадры его рабочих. Этим предприятием руководят единый разум и единая воля — разум и воля всего народа, обсуждающего все вопросы непосредственно или через своих уполномоченных, выполняющего свои решения через избранных им должностных лиц. Громадную роль играет в этом едином хозяйстве статистика. Статистика учитывает качество различных частей территории, характерные для них производства, их подземные богатства. Она учитывает население, число мужчин и женщин разных возрастов, число рабочих разных специальностей.*

Национальная территория является неделимым доменом общества. Эта система имеет своим неизбежным следствием улучшение культуры земли, обработку пустующих земель, многократное повышение продукции.**

Общество организует национальные мастерские для производства необходимых ему предметов, распределяет между ними рабочих, руководит их трудом. Каждая мастерская имеет свою специальность и производит соответствующие продукты в громадном количестве (par masse enorme). Общие законы для всех мастерских вырабатываются Народным пред-

ставительством; внутренние правила порядка обсуждаются и принимаются самими рабочими каждой мастерской, рабочие же выбирают ее должностных лиц. В первую очередь перед этой единой индустриальной системой ставится задача обеспечения общества предметами первой необходимости, затем предметами полезными, наконец — предметами удовольствия. Предметы последней группы производятся лишь в том случае, если их может быть произведено достаточно для удовлетворения всех граждан. Это необходимо для строгого соблюдения равенства в потреблении. Размеры необходимого для общества производства по всем отраслям хозяйства определяются государством. Вредные и бесполезные производства упраздняются. Государство распределяет предприятия по стране в разумном порядке, так чтобы каждый район имел такое сельское хозяйство и такую промышленность, какие соответствуют его природе. Каждая отрасль производства по возможности концентрирована, и вспомогательные производства соединены вокруг основного.

Все граждане — рабочие (ouvriers); бездельников Икаррия не знает. Труд является общественной обязанностью: для мужчин с 18 до 65 лет, для женщин — с 17 до 50. Каждый, по возможности, выбирает тот труд, который ему нравится. Республика, по имеющимся статистическим данным, знает число рабочих, необходимых в каждой профессии.

* Douze lettres d'un communiste, p. 45.

** Mon credo communiste, p. 10.

В определенное время ежегодно она публикует число вакансий по профессиям для каждой коммуны и приглашает молодых граждан сделать свой выбор. В случае конкуренции профессии распределяются по конкурсу, после экзаменов, согласно решению самих конкурентов, образующих жюри.* Во всех отраслях производства установлен равный рабочий день — семь часов летом и шесть часов зимой. Впрочем, Кабе иногда говорит, что труд должен быть пропорционален силам.

Икарійцы всячески стараются облегчить труд путем введения в производство машин, используя все новые изобретения. Машин, говорит Кабе, часто пагубные для рабочих при существующей системе, не могут быть вредными при системе общности. Все тяжелые, опасные, неприятные работы должны производиться машинами; человеческий разум должен изыскать такие средства труда, чтобы человек был только руководителем машины. Женщины в экономической организации занимают особое место: на них лежит домашняя работа и работа в специальных женских производствах. «В каждой семье женщины и девушки вместе выполняют домашние работы с 5 часов утра до 8^{1/2}; с 9 до 1 часу они работают в мастерских по своим специальностям». Все виды труда пользуются одинаковым почетом. Лица, осо-

бо выдвинувшиеся на трудовом поприще, получают общественное признание и поощрение в форме венков, статуй, гимнов, восхваляющих их заслуги. «В Икарии, — говорит Кабе, — много благородных, славных, знаменитых: это механики, врачи, рабочие, отличившиеся каким-нибудь крупным открытием или крупными заслугами». // Непродолжительный труд, вознаграждаемый общественным уважением, становится приятным, привлекательным занятием, источником радости и счастья.

По-иному организовано сельское хозяйство. Оно, конечно, также входит в единую хозяйственную систему Икарии. Но, в отличие от национальных мастерских, мы видим в сельскохозяйственном производстве индивидуальных фермеров. Каждый фермер самостоятельно обрабатывает свой участок, хотя он и является должностным лицом государства. Все, что ему необходимо из пищи, одежды и обстановки, он получает бесплатно, на тех же основаниях, как городской рабочий, от государства. Ферма отнюдь не составляет собственности фермера: это выражается даже в том, что между земельными участками нет разделяющих их оград. Рабочий день фермерской семьи не регламентирован, она работает, сколько необходимо — в зависимости от времени года. В горячие дни уборки, когда рабочих рук семьи не хватает, фермеру приходят на помощь не только соседи, но также школьники и горожане, которые считают такое участие в полезных работах удовольствием

* Voyage en Icarie, p. 106.

и приходят на уборку, как на праздник. Для них у фермера всегда имеется запасная одежда и необходимые орудия труда. Работы, нужные для нескольких ферм, например, проведение дорог, осуществляются ими совместно. Дети фермера могут в случае желания избрать себе другую профессию, но обычно они остаются земледельцами, как их отцы. Горожанин может стать земледельцем, но для этого необходимо, чтобы какой-либо фермер принял его в свою семью.

Все фермы построены, как и прочие мастерские республики, по утвержденному ею образцу. Инвентарь фермы является общественным достоянием и состоит на учете. Государство определяет ежегодно количество тех продуктов, которые ферма должна поставить на государственные склады. Есть фермы, которые производят только виноград, другие — только зерновые хлеба, есть и такие, в которых земледельческое производство сочетается с промышленным, например, с разработкой минеральных месторождений. Часть поставленных фермой продуктов остается в пределах коммуны для ее нужд, часть поступает на провинциальные склады, часть — на национальные для распределения по другим провинциям и коммунаам и отправки за границу.*

Кабе — сторонник сохранения в коммунистическом обществе больших городов. Он до-

казывает, что отрицательные черты современных городов являются результатом существующей общественной системы и не будут иметь места при коммунизме. Так как коммунизм есть концентрация, то большие города, а не маленькие поселки соответствуют природе и сущности коммунизма. Чем больше город, тем в большей степени он служит очагом просвещения, индустрии, наук и искусств. Кабе резко полемизирует с теми коммунистами, которые проповедуют разрушение городов как центров испорченности и господства, и с теми, кто доказывает, что в коммунистическом обществе не должно быть городов, а должны быть только коммуны, по 10 000 человек в каждой (повидимому, здесь имеется в виду Дезами).*

Все произведенное в обществе поступает в его распоряжение. Граждане получают нужные им продукты из общественных магазинов, находящихся в больших, чистых, удобных и величественных зданиях. Теоретически Кабе принимает старый коммунистический принцип распределения — «каждому по его потребностям». Он уверен в том, что при коммунистическом порядке количество производимых продуктов благодаря правильной организации труда может быть удесятерено. Это изобилие благ он считает гарантией коммунистического порядка. И, тем не менее, на практике принцип «каждому по потребно-

* Voyage en Icarie, pp. 145—165.

* E. Cabet. Propagande communiste, p. 9

«стиям» терпит в Икарии целый ряд ограничений, придающих икарийской системе распределения, несмотря на отказ Кабе от математического равенства, известные черты грубой уравнительности. Кабе считает необходимым полностью удовлетворять потребности граждан лишь в предметах первой необходимости, соблюдая по отношению к равенству в снабжении отдельных потребителей. Он против «излишеств», против производства предметов роскоши. У икарийцев одинаковые жилища, одинаковая мебель, унифицированные предметы домашнего обихода. Питание икарийцев регулируется законом, который основывается в своих указаниях на данные науки.

Организация питания носит в основном общественный характер. Граждане получают первый и второй завтрак в мастерских, за исключением женщин, которые завтракают у себя. Обедают граждане вместе в одном из республиканских ресторанов. Лишь ужин для всей семьи женщины организуют дома. На выходные дни икарийцы получают на дом холодные блюда, приготовленные в ресторанах.

Дома в Икарии имеют различных размеров для семей различного состава. Все они очень удобны, но однообразны. Обстановка во всех домах абсолютно одинакова. Каждому возрасту и каждому занятию присвоена своя обязательная форма одежды, определенная законом по указанию особого комитета. «Особенности одежды, — рассказывает Ка-

бе, — должны указывать на все обстоятельства жизни человека. Детство и юность, зрелость и зрелый возраст, состояние в браке или вне его, вдовство, профессия или занятие — все это отмечается в форме одежды. Все лица одинакового положения имеют одинаковую форму, но тысячи различных форм соответствуют тысячам различных положений человека». Одеждой снабжают граждан магазины согласно имеющимся в них таблицам, которые указывают, каким семьям и сколько должно быть отпущено. Чисткой и починкой занимаются женщины. Если какого-либо предмета нехватает для всех, его или вовсе не дают никому, или дают в порядке очереди (например, каждая семья может получить верховую лошадь один раз в 60 дней; с другой стороны, если каким-либо ценным металлом нельзя снабдить всех, его употребляют только на общественные постройки).

Многочисленные живописные места, которые когда-то служили исключительно для удовольствия нескольких семейств, скрывавших их за стенами своих парков и замков, в Икарии доступны для всех.*

Внешняя торговля (внутренней торговли в Икарии, конечно, нет) находится в руках государства. В своей внешней политике икарийское правительство придерживается прин-

* Voyage en Icarie, p. 51.

ципа невмешательства в дела других государств. Идея завоеваний ему совершенно чужда. Для того чтобы воспрепятствовать вмешательству соседей в дела Икарии, правительство принимает меры к обороне государства и очень строго относится к проникающим в Икарию иностранцам, влияние которых может оказаться вредным для республики. Но такие отношения между государствами Кабе не считает вечными. Граждане его Икарии мечтают о времени, когда восторжествует братство народов, когда все народы образуют единую федерацию, разрушат разделяющие их таможенные барьеры, разоружатся. Они предполагают, что Икария, окончательно окрепнув, должна помочь другим странам прийти к коммунизму. Однако это содействие должно выразиться в пропаганде, укреплении всякого рода союзов, в обмене услугами, а отнюдь не в военном вмешательстве.

Брак как форма регулирования отношений между мужчиной и женщиной есть, по мнению Кабе, институт, наиболее соответствующий человеческому достоинству и наиболее способный обеспечить счастье индивидов и порядок в общине. Все неудобства, которые характерны для современных браков, вытекают не из брака как такового, но из неравенства. При системе равенства и общности, при разумном воспитании, при полной свободе выбора, определяемого только личными качествами и влечениями, при возможности в случае надобности развода, — брак

будет свободен от неудобств. Семейная жизнь более соответствует природе, говорит Кабе, чем отделение детей от родителей, любовь родителей к детям и детей к родителям — одна из наибольших радостей, данных человеку.*

Надо отметить в этой связи, что Кабе не чужда мысль об известном контроле государства над заключением брака — мысль, связанная с платоновской традицией. Государство не может не быть заинтересовано в усовершенствовании человечества. Этим вопросом занимается в Икарии особая комиссия, состоящая из врачей и других компетентных людей. Если комиссия устанавливает, что данный молодой человек или молодая девушка могут дать жизнь больным детям, закон предписывает родителям больного предупредить об этом обе стороны и воспротивиться браку; о том же должно напоминать вступающим в брак должностное лицо. Обычно никто не поступает вопреки этому предостережению, хотя оно поддерживается не угрозой какой-либо кары, а исключительно силой общественного мнения. Если брак оказывается несчастливый, то семьи, к которым принадлежат муж и жена, сначала увещают их примириться с судьбой. Но когда увещания оказываются безрезультатными и

* Mon credo communiste, p. 9; более подробно в «Propagande communiste»; Кабе полемизирует здесь с современными ему ультралевыми группировками.

семьи признают необходимость расторжения ставшего невыносимым союза, закон допускает развод. Внебрачные половые связи сурово осуждаются общественным мнением Икарии и, по словам Кабе, практически невозможны.

Громадное значение придает Кабе воспитанию. «Воспитание, — говорит он, — есть все, или почти все». Весь процесс развития человечества, от первых поколений до наших дней, можно рассматривать как процесс его непрерывного воспитания. Человечество все время училось, приобретало опыт, знания, просвещение, идеи. Современный человек есть результат этого воспитания. Но во все времена и во всех странах аристократия и духовенство захватывали монополию воспитания в свои руки. Они препятствовали воспитанию народа, чтобы держать его в невежестве, нищете и рабстве. После изобретения книгопечатания совсем отстранять народ от книг стало невозможно. Тогда духовенство ввело систему ложного воспитания, имевшего целью внушить народу ложные идеи вместо истинных, одурманить его под видом просвещения.

Когда при Людовике XVII Тюрго составил проект новой системы воспитания, способной создавать людей и граждан, один из друзей ему заметил: «Это прекрасно! Но если будут такие люди, зачем будут нужны монархии и наследственное дворянство? Как вы можете надеяться, что двор пойдет на

самоубийство, приняв ваш великолепный план воспитания?» Во время революции Конвент одобрил принципы воспитания граждан и республиканцев. Но эти принципы, разработанные Лепеллетье, оказались не нужны ни термидорианцам, ни Директории, ни Империи, ни Реставрации. Воспитания для народа попрежнему нет. Есть обучение для детей богатых, но оно не заслуживает имени подлинного воспитания. Усовершенствовать воспитание и сделать его всеобщим — одна из первых задач демократии; такое воспитание — одна из главнейших основ коммунизма.*

При коммунизме все заинтересованы в том, чтобы дети получили наилучшее воспитание, чтобы из них выходили самые совершенные люди, самые способные рабочие, самые лучшие граждане. Общество не будет жалеть никаких средств для дела воспитания. Воспитание будет общее для всех: воспитанию будет отдано 17—18 первых лет жизни человека. До 6—7 лет воспитание происходит в семье, затем — в общественных школах. Большое внимание будет уделено физическому воспитанию, укрепляющему здоровье и силы человека, развивающему ловкость и грацию. Дети будут обучаться всем видам гимнастики, усваивать все правила гигиены. Моральное воспитание, начинающееся со дня рождения, будет стремиться привить

* Douze lettres d'un communiste, pp. 82—84.

ребенку навыки наблюдения, исследования, рассуждения, духовной честности, будет внушать сознание прав и обязанностей, чувство справедливости. Ребенок будет усваивать ту истину, что его интерес требует от него уважения к правам других. Воспитание внушит ему также, что общество не может существовать без труда, что отдавать обществу свою долю труда — долг каждого, что на своих сограждан он должен смотреть как на братьев.

Интеллектуальное воспитание, или обучение, состоит из двух частей: общего, элементарного, и специального, профессионального. Ребенку должны быть даны в пределах возможного элементы всех знаний, всех искусств, всех видов производства. Следует, однако, отметить, что Кабе видит пустую затрату времени в изучении языков как древних, так и современных. В Икарии особенное внимание уделяется ознакомлению ребенка с основными принципами сельского хозяйства и необходимыми для сельского хозяйства знаниями: эти знания считаются обязательными для каждого. Детям преподают основы естествознания, геологии, минералогии, физики, химии, астрономии. Лишь после усвоения этих предметов им сообщают сведения о религии и божестве.* К 17—18 годам все юные граждане будут уже обладать элементами всех знаний. Им будет нетрудно созна-

тельно выбрать себе подходящую профессию или несколько профессий, ибо они будут подготовлены к усвоению любой из них. Системе воспитания будет завершать профессиональное образование, которое должно быть одновременно и теоретическим и практическим и которое сделает молодого человека просвещенным и ловким работником в избранном им производстве.

Параллельно интеллектуальному воспитанию идет воспитание гражданское. Ребенок учится быть гражданином с первых лет своей жизни. Все изучают конституцию и главные законы общины; юношей убеждают в том, что социальная справедливость требует свободы обсуждения до голосования, но после голосования мир и необходимость требуют почтительного подчинения меньшинства большинству. Только после завершения гражданского воспитания, после посещения народных собраний и собрания представителей, после экзамена и принесения гражданской присяги имена молодых людей данного возраста вносят торжественно в списки граждан. С этого момента они получают политические права и начинают выполнять свои обязанности как работники и граждане. Воспитание женщин — физическое, моральное и интеллектуальное — должно быть в общем таким же, как воспитание мужчин, с необходимыми отличиями, вызываемыми природой вещей. Общество не может не быть заинтересовано в воспитании женщины, которая

* Voyage en Icarie, pp. 80—81.

является не только работницей, но и матерью грядущих поколений.*

Научная и литературная деятельность в Икарии — это такие же профессии, как и все другие. К ним допускают лишь после экзамена и после специальной подготовки; только республика имеет типографии, располагает бумагой, — следовательно, только республика может издавать книги. Книги, как и все прочие продукты, не могут продаваться, они могут только распределяться государством. Естественно, что государство не может распределять плохие книги. Естественно, что оно печатает лишь книги, получившие одобрение специального комитета. Такая система, говорит Кабе, предупреждает появление плохих книг и обеспечивает выпуск хороших. Республика не жалеет средств, чтобы обеспечить должную обстановку для научной и литературной работы.

Коммунизм содействует развитию морали братства. Никакая другая система не разрешает с таким успехом все социальные вопросы. При коммунизме не может быть ни воров, ни пьяниц, ни лентяев; суды, наказания, тюрьмы, жандармы станут ненужными.

С другой стороны, мораль братства гарантирует прочность коммунистического порядка.

В Икарии эта коммунистическая мораль, помимо воспитания, имеет своей опорой гражд-

данскую религию. Кабе — сторонник свободы совести. В 17 или 18 лет юный гражданин, будучи ознакомлен с разными религиозными идеями, сознательно присоединяется к мнению, которое он признает лучшим, свободно выбирает себе религию. Таким образом, в Икарии имеются различные секты. И если секта достаточно многочисленна, республика обеспечивает ей храм и священника. В Икарии есть даже материалисты, которые не подвергаются никаким преследованиям(!). Но число сект невелико и все уменьшается. Истина едина, и республика идет к единству в религии, как и во всех других делах. Можно сказать, что икарийцы придерживаются одного религиозного верования.*

Некоторое количество самых общих морально-религиозных положений Кабе, подобно Руссо, считает, повидимому, необходимым в качестве цемента общественного порядка. В Икарии кодекс таких положений утвержден всенародным голосованием. «Я не могу представить себе, — говорит один икариец, рассказывая о своих религиозных взглядах, — землю, которая не была бы сотворена... Это бесконечное могущество, этот поразительный порядок, предполагающий бесконечный разум... все чудеса минеральной, растительной и животной организации — неужели это только проявление свойств материи?» Исходя из этих соображений, рассказчик склонен верить

* Douze lettres d'un communiste, pp. 86—88.

* Voyage en Icarie, p. 169.

в бога как творца вселенной. Он считает, что душа человека есть божественная эманация; что она бессмертна; он хотел бы верить в то, что добрые вознаграждаются, а злые терпят наказание в будущей жизни. Икарийцы высоко чтут Христа как провозвестника братства и считают себя истинными христианами по своей морали. Но икарийцы не верят ни в откровение, ни в божественность Христа. Тот же икариец заявляет, что «народная» или «всеобщая» религия икарийцев по существу представляет собою только систему нравственности и философии; ее польза в том, что она учит людей любить друг друга. Религия икарийцев не знает никаких обрядов и суеверий, никаких постов, никакого умерщвления плоти. Культ очень прост. Каждый почитает божество так, как ему угодно, дома или в храмах, которые служат по преимуществу для проповеди морали. Но наилучший способ поклонения божеству икарийцы видят в справедливости и братстве, в подчинении общей воле и в любви к отечеству. Религия совершенно отделена от государства; закон вмешивается в дела религии лишь для того, чтобы охранить свободу верований. Священники, избираемые народом, — это только проповедники нравственности и советники, они не имеют никакой власти, не могут ни наказывать, ни отпускать грехи.*

* Voyage en Icarie, pp. 167—173

Тем же целям упрочения морали братства и любви к законам служат в Икарии театр, искусство, пресса. Редакторы журналов, как и священники, — избираемые народом должностные лица республики. Признавая свободу печати важным средством борьбы против аристократии и деспотизма, Кабе резко осуждает «лживую свободу» печати, которая господствует в «известных», т. е. в современных ему, буржуазных странах. «Монополия, денежная спекуляция, личный интерес, партийность, клеветы и оскорбления, на которые нельзя ответить, ложь, неверные новости и ошибки, которые нельзя разоблачить, ежедневные противоречия, ненадежность и путаница доктрин — вот что мы находим в большинстве газет и журналов». В Икарии существуют только государственные газеты, коммунальные, провинциальные и национальные. Задача их давать лишь точную информацию без комментариев к сообщаемым фактам. Пресса, которая публикует все предложения, вносимые в народные собрания, и все дискуссии по этим предложениям, тем самым является, говорит Кабе, подлинным отражением общественного мнения.*

Кабе считает нужным рассеять весьма распространенное в его время представление, будто бы коммунизм уничтожает искусство. Повод для такого обвинения давали документы бабунизма, в которых выражалась

* Voyage en Icarie, pp 197—198

идея несовместимости искусства со строгим равенством. Искусство, говорит Кабе, не только не угаснет при коммунизме, наоборот, оно получит развитие, какого оно не могло иметь раньше. Ни при какой другой системе нет такого простора для искусства величественного — в общественных памятниках, для искусства элегантно — в предметах потребления граждан *

* * *

Кабе — не оригинальный мыслитель. Как правильно отметил его биограф Прюдомо, читая произведения Кабе, почти все время чувствуешь, что уже это где-то читал. Ему не удалось внести в теорию коммунизма ничего существенно нового. В его системе может быть отмечен ряд черт, отражающих неизжитые им мелкобуржуазные настроения: идеализация патриархальной семьи, подчиненное положение и политическое бесправие женщин, индивидуальное фермерство в сельском хозяйстве, идея примирения богатых и бедных и мирного осуществления коммунизма, тенденции к «грубой уравнительности» и т. п. Внося эти черты в свою коммунистическую пропаганду, Кабе тем самым содействовал закреплению мелкобуржуазных тенденций в сознании французского рабочего класса. Эта сторона его учения тормозила развитие классового самосознания пролетариата.

Заслуга Кабе — популярное изложение идей, выработанных его предшественниками, главным образом французскими коммунистами XVIII века, живое изображение коммунистического порядка в действии, резкая критика свойственной капиталистическому обществу эксплуатации трудящихся, неустанная пропаганда преимуществ коммунистического строя. «Путешествие в Икарию» немало содействовало распространению коммунистических представлений. Именно это обусловило его успех в рабочей среде. Именно это дает право Кабе на место в истории социализма.